

Ю. Ю. Антропова

**ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
(ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

В статье рассматриваются особенности демографического поведения населения Урала в первой половине XX в. во взаимосвязи с реализацией государственной политики в отношении семей и формированием основных демографических тенденций развития Свердловской области в XXI в.

Представленные автором выводы и предложения имеют не только теоретическое, но и практическое значение для разработки системы государственной семейной политики в Свердловской области на современном этапе.

Ключевые слова: демография, Урал, брачно-семейные отношения, семейная политика.

Трансформационные изменения брачно-семейных отношений имеют устойчивый характер, не зависят от конъюнктурных проблем общества.

Современные особенности трансформации института семьи являются, по мнению А. Р. Михеевой¹, результатом взаимодействия двух групп факторов:

- 1) долгосрочные тенденции демографических процессов, свойственные любому обществу: общие для всех индустриальных и постиндустриальных форм его развития, а также специфические – зависящие от особенностей развития конкретного общества (например, экстремальные события в России – первая мировая и гражданская войны; коллективизация и бурный рост индустрии крупных городов; репрессии конца 30-х гг. и т. д.);
- 2) среднесрочные и краткосрочные тенденции, обусловленные собственно социально-экономическим кризисом 90-х гг. и обостряющие (ускоряющие) те брачно-семейные процессы, которые не проявились бы столь отчетливо при иных условиях.

Как показывают многочисленные исследования, *нормы и стереотипы демографического поведения людей отличаются высокой степенью устойчивости и инерционности*, поэтому такие современные тенденции, как внебрачная рождаемость, гражданские браки, уменьшение числа детей в семье, рост количества разводов и другие, являются следствием, прежде всего, первой группы факторов.

Политика государства в отношении семьи на Урале, как и в целом на территории СССР, характеризовалась единством теоретической и политической практики в рамках официальной государственной и партийной идеологии. Вместе с тем, обзор

государственной политики в интересах семьи, женщин и детей в советский период на Урале позволяет говорить и о ее специфике, связанной, в первую очередь, с геополитическими, экономическими и социо-культурными особенностями региона.

Авторская концепция анализа советской государственной политики в интересах семьи, женщин и детей на Урале предлагает выделение четырех периодов:

1. первый период (1917 – середина 20-х гг.);
2. второй период (конец 20-х – конец 40-х гг.);
3. третий период (начало 50-х гг. – конец 70-х гг.);
4. четвертый период (начало 80-х гг. – начало 90-х гг.).

В настоящей статье рассмотрим особенности первого периода.

Первый период характеризуется радикальными подходами к существованию института семьи, связанными с введением на всей территории РСФСР единой процедуры гражданской, светской регистрации брака, равенства мужчин и женщин во всех сферах, в том числе семейной, облегченной процедуры разводов и легализации абортов.

На Урале процесс реализации государственной политики в сфере семейно-брачных отношений имел свою специфику, связанную с особенностями функционирования горнозаводской семьи. Необходимо учитывать, что основными субъектами освоения возникшего в начале XVIII в. уральского промышленного района выступали крестьяне, принесшие с собой собственную демографическую практику. Традиционная крестьянская семья послужила основой формирования горнозаводской семьи. Вместе с тем, промышленный труд на заводах, а затем развитие горной и металлургической промышленности внесли определенные коррективы в демографические характеристики уральской семьи, прежде всего, в изменение к началу XX в. типов воспроизводства населения. «В дореволюционный период население Урала заметно отличалось от населения европейской части России более высоким уровнем брачности, смертности и рождаемости»².

В традиционном обществе Урала XVIII–XIX вв. демографическое поведение людей регулировалось обычаями и традициями, церковным правом и светским законодательством. Также, на характер семьи особое влияние оказала тенденция усложнения на Урале с конца XIX – первой четверти XX в. этнического состава населения за счет переселения эстонцев и белорусов из западных российских губерний (преимущественно из Псковской и Могилевской губерний), латышей и литовцев, поляков и немцев (депортированных и беженцев после Первой мировой войны), интенсивного формирования еврейской диаспоры (за счет потомков отставных солдат и ссыльных).

«Горнозаводская культура взаимодействовала с другими культурами – русских крестьян старожилов и новопоселенцев, уральских казаков, православных и староверов, представителей иных конфессий, местных этических социумов»³. К началу XX в. на Урале широкое распространение получили межнациональные браки, подавляющая часть которых приходилась на русских, что повлекло за собой ассимиляцию культурных ценностей, изменение этнического самосознания, демографических представлений и массового демографического поведения у горнозаводского населения.

Так, на протяжении всего XIX в., по данным С. В. Голиковой, у жителей Урала наблюдалась тенденция к падению брачности. К началу XX в. доля не вступившего в брак бракоспособного заводского населения Екатеринбургского уезда составляла от 17,26 до 22,84 %⁴. Безбрачие особенно актуально было для женской части населения (табл. 1⁵)

Таблица 1

Показатели безбрачия среди бракоспособного горнозаводского населения Екатеринбургского уезда на начало XX века (в абсолютных и относительных показателях)

Завод	Мужчины	Женщины	Всего
Невьянский	822/21,11	1221/24,18	2043/22,84
Верхнейвинский	224/20,77	321/24,04	543/22,58
Быньговский	207/19,06	323/23,0	530/21,28
Рудянский	127/21,1	140/20,49	267/20,82
Шураминский	80/15,18	153/23,21	233/19,64
Верхнетагильский	180/17,5	233/18,43	413/18,04
Петрокаменский	99/15,71	135/18,62	234/17,26

Несмотря на тот факт, что господствующей нормой в массовом сознании являлось венчание в церкви с соблюдением народных обычаев, получили широкое распространение на Урале «беглые свадьбы» и «сводные браки». «Беглые свадьбы», состоявшие из одного венчания, были истинными и мнимыми. Истинные, как правило, происходили между православными и старообрядцами при несогласии на брак родителей невесты или заводовладельцев. Причиной мнимых – было желание избежать расходов на свадьбу, поэтому проходили с тайного согласия родителей невесты. «Сводный брак» заключался между детьми старообрядцев без венчания в церкви и не признавался официальной церковью и властями.

Общество было терпимо не только к «беглым свадьбам» и «сводным бракам», но и к добрачным сексуальным связям. По словам С. В. Голиковой, «при распространенности “разврата” в заводских поселках “прелюбодейных” связей не стыдились не только юноши, но и девушки. Тем более, что прижитые дети не препятствовали официальному замужеству»⁶. В связи с чем доля незаконнорожденных детей на протяжении XIX в. постепенно возрастала и к началу XX в. составляла от 0,6 % (от общей рождаемости) на Верх-Исетском заводе до 8,2 % на Чермозском заводе.

Общественная терпимость к изменению стереотипов демографического поведения привела к широкому распространению на территории Екатеринбургского уезда фактов детоубийства и подкидывания младенцев. Решением данной проблемы стало создание специальных приемных домов для незаконнорожденных детей – «домов для приносных детей», специальных учреждений для воспитания детей «до совершенных лет». Так, например, на территории Нижнетагильского округа к началу XX в. функционировали 4 приюта на 200 мест, 2 из них находились в Нижнем Тагиле, по одному в деревне Никольской и селе Воскресенском (для сравнения, в 2007 г. на территории Нижнетагильского городского округа функционировали 3 учреждения социального обслуживания семьи и детей со стационарными местами для проживания 125 несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей).

Таким образом, к моменту введения после революции 1917 г. единой государственной политики в отношении семьи матримониальное поведение жителей Урала отличалось вариативностью. Вместе с тем, патриархальные отношения внутри уральской семьи сохранились в большинстве уральских территорий с низкой долей городского населения вплоть до начала 20-х гг. (в состав семьи входили люди, приходящиеся друг другу родственниками по мужской линии; строго соблюдался запрет на включение в состав семьи родственников по женской линии; жена проживала у родителей мужа; отдельное проживание супружеских пар было возможно только после смерти родителей; многодетность – по данным Мотревича В.П., к 1917 г. на каждый заключенный брак на Урале приходилось 6 рождений, а в Нижнем Тагиле – 15 рождений; экономическая и правовая зави-

симость женщин; забота детей о своих родителях; неукоснительное подчинение младших членов семьи старшим, детей – родителям, всех членов семьи – ее главе).

По мнению уральских ученых, «наиболее деспотичными и консервативными межпоколенные связи были в старожильческих и старообрядческих семьях, отличавшихся религиозным фанатичным отношением к семье и браку. Более либеральным и демократичным был уклад жизни в семьях выходцев из средней полосы России и Украины»⁷. Статистика церковных браков выглядела следующим образом: в 1917–1921 гг. – 90 %, в 1922–1924 гг. – 40 % от всех заключенных браков⁸.

Среди константных черт уральской семьи, сформировавшихся под влиянием специфики Уральского региона (суровые климатические условия, индустриальный характер развития региона, отсутствие крепостного права, большие неосвоенные территории, дающие возможность выбора мест поселения и хозяйствования, удаленность от центральных органов власти), И. Г. Серебрякова называет «способность противостоять различным жизненным трудностям и испытаниям, свободолюбие, умение трудиться в экстремальных природно-климатических условиях, опираясь на собственные силы, отношение к труду как к добродетели, соблюдение этических норм и правил, политическая нейтральность»⁹.

Подавляющая часть рабочих семей на Урале вплоть до середины 20-х гг. XX в. жила в сельской местности. Крестьянство составляло на Урале в 1863 г. 96,8 %, в 1914 г. – 95,2 %¹⁰. По данным переписи 1926 г., крестьянство составляло 79,3 % от общей численности населения Урала (общая численность составляла 5379,0 тысячи человек). Это обстоятельство имело чрезвычайно важное значение. Так как, с одной стороны, образ жизни рабочих семей, проживающих в сельской местности, был близок крестьянским семьям (в том числе по репродуктивному поведению), а с другой, значительная доля рабочих семей способствовала ускоренной урбанизации Урала, что привело в дальнейшем к ускоренным темпам снижения рождаемости.

По данным В. Ю. Крупянской, 58,2 % рабочих семей на Урале в начале XX в. имели от 3 до 5 детей, 15,9 % – 6 и более, в остальных семьях – не более 1–2 детей. Согласно поквартальной ведомости Выйского завода в Нижнем Тагиле, средние размеры семей коренных рабочих насчитывали 6 человек. Отдельные большие семьи, по данным С. В. Голиковой, просуществовали в Нижнем Тагиле до 20-х гг. XX в. Анализ результатов Всесоюзной переписи населения 1926 г. и сведений о распределении родившихся на территории Уральской области в 1928 г. по возрасту и социальному положению родителей подтвердил данные о многодетности рабочей семьи на Урале (табл. 2¹¹).

Таблица 2

Половозрастные коэффициенты рождаемости у женщин Уральской области в 1928 г. (число живорождений на 1000 женщин данной возрастной группы)

Возраст, лет	Рабочие	Крестьяне	Служащие
До 20 лет	108,5	49,9	32,9
20–24	364,7	330,8	168,4
25–29	349,6	330,3	147,6
30–34	303,4	306,9	133,9
35–39	234,2	243,0	86,0
40–44	120,8	133,5	37,6
45–49	16,2	92,3	6,9
15–49	294,4	219,3	98,9
Суммарный коэффициент рождаемости*	7,49	7,43	3,07

*- среднее число рождений в расчете на одну женщину за всю ее жизнь

Что касается смертности населения, то необходимо отметить, что для горно-заводского Урала всегда была характерна высокая смертность мужчин (в основном от производственных травм и заболеваний, связанных с тяжелыми условиями труда на заводах и рудниках). Если в Европейской России в среднем на 1000 человек умирало 34 мужчины, то на Урале – 43 мужчины¹². Из-за высокой концентрации промышленного производства особенно высокий уровень смертности мужчин наблюдался в Верхотурском, Екатеринбургском и Красноуфимском уездах. Сверхсмертность мужчин привела к увеличению числа вдов и дисбалансу полов еще до катаклизмов советского времени (табл. 3¹³).

Таблица 3

Соотношение женского и мужского населения на заводах Урала (на начало XX в.)

Завод	Число женщин на 100 мужчин	Завод	Число женщин на 100 мужчин
Ревдинский	104,4	Быньговский	106,8
Билимбаевский	106,0	Сысертский	102,7
Теченский	108,7	Полевской	103,0
Верх-Исетский	105,4	Северский	106,9
Вернейвинский	105,7	Кыштымский	103,5
Рудянский	103,9	Пышминский	104,8
Верхнетагильский	103,9	Нижнее-Исетский	111,5
Режевской	106,3	Березовский	99,8
Шуралинский	108,6	Мраморский	96,7
Нвьянский	112,3		

По мнению уральских ученых, ухудшение демографических показателей мужчин является на протяжении веков постоянной характерной чертой населения Урала. «Преобладание женского населения над мужским выступало в качестве долговременной тенденции демографического развития уже с конца XVIII в.»¹³ (табл. 4¹⁴). В целом, для Урала на протяжении XIX–XX вв. характерна низкая продолжительность жизни, особенно у мужчин, и ускоренный оборот поколений (табл. 5¹⁵).

Таблица 4

Соотношение женского и мужского населения в городе Свердловске

Возрастная группа (лет)	Годы	
	1939	1959
15–19	112	114
20–24	137	110
25–29	103	103
30–39	112	128
40–49	129	151
50–59	160	181
60 и старше	239	254

Таблица 5

Средняя продолжительность жизни населения города Екатеринбурга

Год/пол	1897	1926	1939	1959	1989	1994
Муж	27	33	37	64	67	63
Жен	28	40	44	72	74	74

Гражданская война, военная интервенция, один из эпицентров которых был на Урале, разруха, голод и заболеваемость привели к массовым потерям среди населения и, прежде всего, мужского, росту показателей смертности и снижению показателей рождаемости. Так, по данным А. И. Кузьмина, в 1922 г. показатель рождаемости составлял 37,7 ‰, смертности – 49,4 ‰ (в 1913 г. 54,9 и 41,4 соответственно), показатель естественной убыли – минус 11,7¹⁶.

Главными причинами смертности в середине 20-х гг. были инфекционные заболевания, в том числе туберкулез и кишечные инфекции. Средняя продолжительность жизни в середине 20-х гг. у женщин составляла 39,9 года, у мужчин – 32,8 года. Показатель младенческой смертности составлял, по данным А.И. Кузьмина, в 1925 г. 357,2 на 1000 родившихся (для сравнения, в 2000 г. – 15,0 на 1000 родившихся)¹⁷. За период между переписями 1920 и 1923 гг. число жителей Уральской области сократилось на 581,0 тысячу человек. Возрастная структура населения в середине 20-х гг. выглядела следующим образом: дети от 0 до 15 лет – 36,1 ‰, лица трудоспособного возраста – 54,6 ‰, лица, старше трудоспособного возраста – 9,3 ‰¹⁸.

Средний размер семьи на Урале в середине 20-х гг. составлял 4,06 (1926 г.), что больше, чем в среднем по РСФСР (3,87) и СССР (3,92)¹⁹. Именно с конца 20-х гг. в регионе начался переход от многодетности к среднететности в семье, а затем и к малодетности, т. е. значительно позднее, чем в европейской России.

Таким образом, к середине 20-х гг. XX в. государственная политика в интересах семьи, женщин и детей на Урале, как и в целом по стране, не входила в число приоритетных направлений деятельности молодого Советского Правительства. По мнению С. В. Дармодехина, «политика в отношении семьи во многом диктовалась идеологическими задачами и была направлена скорее не на разрушение семейного образа жизни вообще, а на изменение семейных традиций в соответствии с целями пролетарского государства... Идеологическая установка на отмирание семьи при социализме детерминировала все последующие трансформации брачно-семейных отношений обусловила в целом антисемейную ориентацию советской социальной политики»²⁰.

О. В. Дорохина делает вывод, что «семейная политика как функционально ориентированной сферы деятельности государства в первое послереволюционное десятилетие не существовало, а семья никогда не являлась основным объектом позитивной государственной политики. Поэтому семейные изменения носили непоследовательный, противоречивый характер, оказываясь результатом прямых и косвенных воздействий со стороны политических, государственных и иных институтов»²¹.

Такие законодательные акты, как «Декрет о гражданском браке, о детях и ведении книг актов гражданского состояния» (1917 г.), «Декрет о расторжении брака» (1917 г.), «Семейный кодекс» (1918 г.), «Кодекс законов о браке, семье и опеке (1926 г.) фактически санкционировали отделение институтов брака и семьи друг от друга, отделение брака от деторождения, выведение половых отношений за рамки брака и семьи.

Идеологическая установка на «огосударствление» семьи на Урале была реализована в рассматриваемый период неоднозначно, что объясняется существующими с XIX в. противоречивыми тенденциями демографического поведения населения. С одной стороны, легкость, с которой были приняты новые установки на брак и семью, с другой – яростное сопротивление процессам разрушения патриархальной семьи (в первую очередь, в деревнях и сельских поселениях).

Второй период характеризует ускоренная индустриализация Урала, большой приток (организованный и стихийный) рабочей силы, в связи с чем, растет численность промышленного городского населения. По данным А. И. Кузьмина, миграци-

онный приток на Урал в 1928 г. составил минус 16,1 %, в 1936 г. – плюс 1,2 %, в 1937 – плюс 26,3 %. За десять предвоенных лет на Урале наблюдалось три волны миграции. Первая волна связана с раскулачиванием, вторая – с политическими репрессиями тридцатых годов, третья – с расширением границ СССР.

За 1926–1937 г. население Урала выросло на 1,8 миллиона человек. В 1935 г. в Свердловскую область прибыли 580,0 тысяч человек, в 1936 г. – 620,0 тысяч человек²². Между переписями 1926 и 1939 гг. население Свердловска увеличилось в 3,5 раза, Нижнего Тагила – в 4 раза.

Период 30-х гг. на Урале специалисты называют «демографическим взрывом», связанным с миграционным притоком, стабилизацией уровня жизни в мирный период, развитием доступной системы здравоохранения: в 1928 г. – показатель рождаемости – 54,6 %, показатель смертности – 26,3 %, в 1937 – показатель рождаемости – 40,3 %, показатель смертности – 24,0 %. Даже голод 1933 г. не привел к тотальному снижению рождаемости, показатель рождаемости составлял 35,0, при самом высоком в послереволюционное время показателе смертности – 49,3.

Затронувшая Урал в 30-е гг. коллективизация не позволила развивать натуральное замкнутое хозяйство семьи как главную основу рождения большого числа детей и, тем самым, обусловила сокращение многодетных семей на Урале. В 1930–1936 гг. в самые отдаленные северные территории Урала доставлялось со всего СССР раскулаченное крестьянство, до 27 % которого (по оценке А. Б. Сулова) погибло в результате отсутствия элементарных условий проживания, массовых заболеваний и побегов. Только за 1930–1931 гг. на Урал было выслано 128,0 тысячи семей или более трети от общего числа раскулаченных спецпереселенцев по стране. Из них 32,7 % семей прибыли с Украины, 26,0 % – с Северного Кавказа, 9,1 % – из Белоруссии, 7,8 % – из Татарии, 7,3 тысячи – из других районов страны. На начало 1932 г., по данным В. П. Мотревича, на учете в СССР состояло 1,8 миллиона спецпереселенцев из числа бывших кулаков. Из них 484 тысячи или каждый четвертый были размещены в Свердловской области, которая стала главным районом в СССР размещения раскулаченных крестьян²³.

Такие явления аграрной политики советского государства, как продразверстка и коллективизация, оказали особое влияние на трансформацию традиционной (крестьянской) семьи, что привело к нарушению у населения функций ответственности за землю, за труд на земле, развитие хозяйства и производства. Отказ крепких хозяйств (кулаки и середняки, располагавшие к концу 20-х гг. 78,7 % посевных площадей, производившие 79,2 % валовой продукции и 79,7 % товарной продукции на Урале) от сельскохозяйственных работ, самораскулачивание (поджог домов, уничтожение посевов и скота, порча зерна), самоубийства, побег в города приводило к распаду семей, подрыву их экономического потенциала, изменению привычного, веками складывающегося, образа жизни.

«Опорой советской власти на Урале в борьбе с кулаками и середняками стала «беднота» – батрацко-бедняцкая прослойка выходцев из других областей СССР, создавших обстановку вседозволенности и отсутствия каких бы то ни было нравственных запретов»²⁴. К началу 1930 г., по данным И. Г. Серебряковой, 74 % крестьянских хозяйств в Свердловской области были коллективизированы. Самый высокий уровень отмечался в Ирбитском и Тагильском округах, где в большей степени проявились произвол и насилие. Вместе с тем, образовавшиеся коллективные хозяйства не отличались качественным уровнем труда, поскольку большую их часть составляли бедняки и батраки, не привыкшие к постоянному и интенсивному труду в силу прежнего образа жизни и надеявшиеся на обеспечение государственных гарантий,

независимо от собственного трудового вклада. Так начала формироваться тенденция потребительских и иждивенческих настроений среди сельского населения региона, отдаленные последствия которой особо ярко проявились в переломный для страны период – начало 90-х гг. XX в.

Активная, решительная часть крестьянства на Урале к 1932 г. была уничтожена либо нейтрализована, в крестьянской среде была сформирована «приспособленческая система поведения», «характеризующаяся двойственностью как в восприятии и понимании происходящего, так и в поведении и поступках. Неизбежный в условиях отсутствия самостоятельности и инициативы психологический дискомфорт, испытываемый большинством сельских тружеников, оказывал негативное влияние на их поведение, поступки, решения. Искажались нормы традиционной крестьянской этики, происходила деморализация большей части населения деревень. Показателями такого состояния стали отказы крестьян от опеки над детьми-сиротами, усиление пьянства, рост преступности, в том числе и детской, воровство, сознательное уничтожение коллективной собственности и скота, расхищение церковного имущества. В условиях голода 1933 г. многие крестьяне саботировали уборку урожая, что противоречило логике выживания, установкам крестьянского менталитета на выживание»²⁴.

Кроме того, исключение из жизни крестьян (вследствие преследования открытого проявления веры и уничтожения православных церквей) традиций, обрядов, привычек привело к тому, что веками складывающееся мировоззрение и мировосприятие постепенно разрушалось, трансформировались крестьянская мораль и нравственность. Преследования крестьянства вызвали первую волну оттока населения из сельской местности, привлечения его в новые отрасли промышленности и строительства. На протяжении всей истории советского государства доля крестьянства уменьшалась, что привело к утрате самоидентичности крестьянина как главного кормильца, уничтожению главного качества крестьянина – ответственности за себя и свою семью (табл. 6²⁵).

Таблица 6

Удельный вес сельского населения на Урале (в процентах)

Годы / доля сельского населения				
1926	1939	1959	1970	1983
79,3	40,4	24,0	19,3	14,1

Советское законодательство закрепило процесс эмансипации женщин за счет ее активного привлечения в общественное производство, а на Урале, прежде всего, в отрасли тяжелой промышленности. А. М. Коллонтай писала «семья обречена на разрушение... В ущерб индивидуальному счастью, в ущерб семье мораль рабочего класса будет требовать участия женщины в жизни, развертывающейся за порогом дома... Отомрет индивидуальное хозяйство, семья перестанет быть потребительской единицей, не сможет существовать в современном виде, распадется, упразднится. Произойдет раскрепощение женщины»²⁶.

Со второй половины 30-х гг. женская занятость на предприятиях тяжелой промышленности Урала приняла массовый характер (к 1941 году доля женщин, от общего числа занятых в промышленности, составляла 45 %, в народном хозяйстве – 54 %), тем самым, сделав женщин экономически независимыми и трансформировав ролевые функции членов семьи. Именно с этого периода на Урале происходит рост

количества неполных семей с детьми, возглавляемых женщинами, которые выполняют роли хозяйки семьи, распорядителя семейного бюджета, воспитателя детей, члена коллектива, члена профсоюза, учащегося и другие.

Данные общественные преобразования имели своими последствиями изменения репродуктивных установок женщин, отмирание основ многодетности. С 30-х гг. начинается трансформация демографического поведения уральской семьи. Среднее число детей на семью уральцев, вступивших в брак в 1926–1930 гг., составляло 3,1, в 1936–1940 гг. – 2,4, в 1946–1950 гг. – 1,9.

В середине 30-х гг. на Урале произошел перелом в религиозных воззрениях на брак, семью, рождение детей. В 1935 г. только 2,4 % браков были церковными²⁷. Ранние браки в возрасте 16–17 лет к началу 40-х гг. не имели места (для сравнения, в 1917–1924 гг. они составляли треть от всех зарегистрированных браков). Существенное влияние на снижение количества ранних браков оказала законодательная инициатива советского государства – введение в действие в 1928 г. 10 главы Уголовного кодекса СССР, определявшей различные меры наказания за принуждение к вступлению в брак с лицом, не достигшим брачного возраста (в РСФСР минимальным возрастом вступления в брак с 1926 г. обладали лица, достигшие 18 лет).

Средняя продолжительность жизни к 1939 г. на Урале увеличивается до 43,5 лет у женщин и до 37 лет у мужчин²⁸. Возрастная структура населения в 1939 г. выглядела следующим образом: дети от 0 до 15 лет – 39,4 %, лица трудоспособного возраста – 52,2 %, лица старше трудоспособного возраста – 8,4 %²⁹.

Резкий подъем смертности на Урале в годы Великой Отечественной войны (максимум – в 1944 г.) объясняется помимо трудностей военного времени, высоким уровнем смертности в госпиталях Свердловска и подъемом уровня смертности в деревнях Свердловской области в 1944–1945 гг. (табл. 7³⁰). Только от дистрофии в Свердловской области в 1944 г., по данным В. Ф. Зимы, умерло 17,0 тысяч человек³¹. В годы войны были отмечены в Свердловской области и случаи людоедства на почве голода среди рабочих и колхозников³¹. Рост заболеваемости сыпным и европейским возвратным тифом, наблюдавшийся с начала войны, достиг своего апогея в 1944–1945 гг., чему способствовали эвакуация, спецпереселения и увеличившиеся на Урал миграционные потоки.

Таблица 7

Анализ показателей смертности населения на Урале
в 1924–1949 гг. (в процентах)

Год	Смертность	Естественный прирост	Год	Смертность	Естественный прирост
1924	27,0	24,0	1943	29,3	-13,6
1925	28,2	14,8	1944	66,1	-34,8
1926	21,4	24,8	1945	32,3	19,2
1939	21,2	16,2	1946	12,3	18,0
1940	21,2	11,9	1947	15,7	13,0
1941	20,9	12,9	1948	12,8	11,5
1942	33,2	-13,2	1949	10,8	20,8

Вместе с тем, послевоенные показатели смертности населения региона увеличиваются, в первую очередь, за счет несчастных случаев, отравлений, травм и самоубийств, достигают своего максимума в 1947–1948 гг. (1947 г. – 18,5 %, 1948 г. – 16,7 %), сводятся к минимуму в 1956 г. – 7,0 и держатся на минимальных отметках

(7,3–8,5 %) до конца 70-х гг., после чего происходит ежегодный рост показателей смертности в регионе, достигший своего максимума в 2003 г. – 17,3 % (что практически соответствует уровню 1943 и 1944 гг.). Естественный прирост населения в 1940 г. составлял 11,9 % (в РСФСР – 12,4 %), в 1950 г. – 19,8 % (в РСФСР – 16,8 %).

При этом, исследователи указывают на полный провал рождаемости в «яму войны»³² с наименьшими показателями в 1943–1945 гг. (1943 г. – 11,6 %, 1944 г. – 10,4 %, 1945 г. – 14,6 %). Абсолютное число родившихся на Урале, по данным В. Ф. Зимы, сократилось за 1940–1944 гг. с 537,8 тысячи новорожденных до 144,8 тысячи новорожденных, т. е. в 3,7 раза. В городах рождаемость сократилась с 185,1 тысячи до 62,5 тысячи новорожденных или в 3 раза, а в деревнях – с 352,7 тысячи до 62,5 тысячи новорожденных или в 4,3 раза³³. Если данные за 1940 г. принять за 100 %, то число родившихся в 1941 г. составило 94, в 1942 г. – 60, в 1943 г. – 32, в 1944 г. – 26,9 % от уровня рождаемости 1940 г. Кривая рождаемости поднимается вверх только в 1946 г. и достигает своего максимума в начале 50-х гг. (1946 г. – 32,0 %, 1951 г. – 32,5 %).

Число младенцев, не доживших до 1 года, в период с 1940 по 1944 гг. сократилось еще более значительно – в 9,2 раза. Основными причинами детской смертности были желудочно-кишечные расстройства как последствия некачественного питания и голода, инфекционные заболевания (корь, скарлатина, дифтерия), дистрофия и авитаминоз, туберкулез. Увеличилось в годы войны и количество насильственных убийств младенцев с 0,04 % в 1940 г. до 0,3 % в 1943 г. от общего количества умерших (рост в 7,5 раза). В 1942 г. младенческая смертность была наиболее высокой. Так, в июне-июле 1942 г. она увеличилась, по данным В. Ф. Зимы, в 2 раза по сравнению с соответствующим периодом 1941 г., достигнув величины в 459 %, т. е. почти в 2 раза снизив продолжительность жизни поколения³³. Затем коэффициент младенческой смертности постепенно уменьшался – в 1943 г. он составил 140,8 %, в 1944 г. – 115,4 %, в 1945 г. – 84,7 %. Одной из основных причин, повлиявших на снижение показателя младенческой смертности, стало резкое снижение рождаемости.

По данным А. И. Кузьмина, в период с 1926 по 1940 гг. при относительно постоянном уровне брачности (1926 г. – коэффициент составлял 0,66, 1940 г. – 0,69), уменьшается коэффициент брачной рождаемости (1926 г. – 0,78, 1940 г. – 0,52). Далее картина выглядит следующим образом: 1959 г. – коэффициент брачности – 0,62, коэффициент брачной рождаемости – 0,33, 1970 г. – коэффициент брачности – 0,66, коэффициент брачной рождаемости – 0,22. Во многом, данные факты объясняются резким сокращением мужского населения в результате общественных катаклизмов с начала XX в., а также начавшейся в середине 20-х гг. на Урале трансформацией семьи как социального института³⁴.

По данным исследователей в период 30–40-х гг. Урал находится на этапе среднетности (3–4 ребенка в семье). При этом к 1939 г. в Свердловской области количество семей, состоящих из 2–3 человек, приближалось к 42–43 % от общего количества семей.

При анализе государственной социальной политики в отношении семьи, женщин и детей в 40-е гг. необходимо учитывать тот факт, что в годы войны на Урале было размещено 212 эвакуированных промышленных предприятий и 812 эвакуированных детских домов, интернатов, спецшкол с численностью детей свыше 100000 человек. За период с 1939 по 1959 гг. население Свердловской области, по данным Б. В. Личмана³⁵, увеличилось на 55 % (СССР – на 9,5 %, РСФСР – на 8,4 % соответственно).

В военное и послевоенное время на Урал были переправлены выявленные на территории всего СССР беспризорные несовершеннолетние, что потребовало определения главной задачей государственной политики – борьбу с детской беспризорностью. Только в 1944–1945 гг. на территории области были построены 234 новых детских дома³⁶.

Кроме того, одной из важных особенностей Урала в данный период является наличие широкой сети пенитенциарных структур (исправительно-трудовые лагеря, спецлагеря, проверочно-фильтрационные лагеря), в которые в годы войны и послевоенное время помещались, как военнопленные, так и уголовные элементы (города Качканар, Ивдель, Краснотурьинск, Нижний Тагил, Свердловск, Кировград, Алапаевск, Североуральск и другие).

Так, с 1944 г. по начало 50-х гг. на территорию Свердловской области было доставлено более 320000 репатриантов, в основном, в составе рабочих батальонов³⁷. Репатрианты проходили фильтрацию в специальных лагерях (Североуральский проверочно-фильтрационный лагерь № 0305, Нижнетагильский спецлагерь № 153, Алапаевский лагерь № 200) и расселялись в северных районах области для использования в трудоемких отраслях производства и на предприятиях угольной промышленности (тресты «Богословуголь», «Егоршинуголь», «Волчанскуголь», Алапаевский, Верх-Исетский, Кушвинский, Нижнее-Салдинский и Серовский металлургические заводы), лесозаготовках, стройках. В 1944 г. спецконтингент составлял до 30 процентов общей численности рабочих на Урале. Необходимо отметить, что для спецпоселений репатриантов был характерен очень низкий уровень материально обеспечения, в том числе продуктами питания, плохие жилищные условия, отсутствие механизации труда, высокий уровень травматизма, инвалидизации и гибели людей. Система стимулов труда включала нормирование питания в зависимости от выработки, выдачу денег на руки.

Противоположная картина наблюдалась при использовании труда реэмигрантов из Китая, прибывших на территорию Свердловской области в 1947–1950 гг., в связи с большой потребностью в высококвалифицированных кадрах на промышленных предприятиях. Система стимулов труда включала выдачу ссуд, дополнительные выплаты, предоставление жилья, премии.

В дальнейшем, большой процент асоциальных и социально неблагополучных граждан, прибывших на Урал в военные и послевоенные годы, оставались на постоянное жительство и сыграли негативную роль в формировании как общей социальной культуры в регионе, так и в функционировании института семьи, развитии семейных ценностей и внутрисемейных отношений.

Также, свое отсроченное по времени влияние на общественное сознание и поведение жителей области оказала специально воспроизводимая органами НКВД-МВД «психология зависимости» спецконтингента (ссылных, репатрированных, раскулаченных) – «особого слоя советского зависимого населения»³⁸. Вследствие неопределенного и незакрепленного характера пребывания в навязанной социальной роли, лишенной прав, свобод и привилегий, его представители превратились, по словам А. Б. Сулова, «в наиболее маргинализированный слой, лишенный связей с родными и близкими, оторванный от собственности и жилища». Для определенной части представителей этого слоя, а также их потомков, характерны ограничения вертикальной социальной мобильности, т. е. возможности продвижения вверх по социальной лестнице, атрофирование чувства социальной ответственности за себя и свою семью, формирование социальной пассивности, что также повлекло за собой формирование пассивных и иждивенческих настроений в обществе.

Второй период реализации государственной семейной политики на Урале носил противоречивый характер и формировался под влиянием, прежде всего, экономических, политических и оборонных интересов государства. В связи с чем, семья не могла стать объектом особого внимания государства. «Все меры государственной политики были адресованы не семье, а городской женщине-работнице, как особой

социально-демографической группе населения»³⁹. И, в первую очередь, были направлены на максимальное высвобождение женщины от домашнего труда не за счет облегчения быта семьи, а за счет ее вовлечения в сферу производства и народного хозяйства и организации пребывания детей вне семьи. Коллективизация и предвоенные репрессии, в которые Свердловская область была активно вовлечена, сознательно были направлены на массовое уничтожение «буржуазной семьи» как таковой. Все это привело к дезорганизации семьи, снизило ее роль в воспитании детей, ускорило переход от многодетной к среднететной и малодетной семье на Урале и привело в дальнейшем к многочисленным личным и семейным деструкциям.

Вместе с тем, запрещением аборт (1936 г.), ужесточением процедуры разводов, увеличение алиментов на детей (1939 г.), учреждением специальных наград для многодетных матерей «Медаль материнства», орден «Материнская слава», почетное звание «Мать-героиня» (1944 г.), установлением пособий одиноким матерям (1944 г.), а также оглашением политических лозунгов, декларирующих заботу о семье («Семья – ячейка общества»), государство стремилось решить накопившиеся проблемы деструкции семьи и низкой рождаемости, которые на Урале в силу рассматриваемых выше причин проявлялись особенно остро.

Примечания

¹ См.: Михеева, А. Р. Семейная политика : новый взгляд на старые проблемы / А. Р. Михеева // Семья на рубеже веков : материалы обл. науч.-практ. конф. «Стратегия семейной политики: постановка проблем и путей их решения» (Новосибирск, 1995). Ч. 1. – Новосибирск, 1995. – С. 44.

² Население Урала : XX век. История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов. – Екатеринбург, 1996. – С. 47.

³ Бальжанова, Е. С. Православие в жизни русских крестьян Среднего Урала (XIX–начало XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. С. Бальжанова. – Екатеринбург, 2006.

⁴ См.: Голикова, С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков / С. В. Голикова. – Екатеринбург, 2001. – С. 15.

⁵ См.: Там же. – С. 17.

⁶ Там же. – С. 48.

⁷ Население Урала... – С. 50.

⁸ См.: Кузьмин, А. И. Семья на Урале : демографические аспекты выбора жизненного пути / А. И. Кузьмин. – Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993. – С. 43.

⁹ Серебрякова, И. Г. Социальная психология крестьянства Урала в период сплошной коллективизации (1929–1933 годы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006.

¹⁰ См.: Особенности демографического поведения городского населения Урала : сб. науч. тр. – Свердловск : УНЦ АН СССР, 1987. – С. 55.

¹¹ См.: Население Урала... – С. 63.

¹² См.: Мотревич, В. П. Историческая демография России / В. П. Мотревич. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

¹³ Голикова, С. В. Семья горнозаводского населения... – С. 115.

¹⁴ Особенности демографического поведения... – С. 32.

¹⁵ Мотревич, В. П. Историческая демография России.

¹⁶ Кузьмин, А. И. Семья на Урале... – С. 16.

¹⁷ Там же. – С. 45.

¹⁸ Там же. – С. 30.

¹⁹ Там же. – С. 45.

- ²⁰ Дармодехин, С. В. Государственная семейная политика : методология, теория, практика / С. В. Дармодехин. – М. : ФГУ «Государственный НИИ семьи и воспитания», 2006. – С. 105.
- ²¹ Дорохина, О. В. Воздействие государства на изменения института семьи в первое десятилетие советской власти : автореф. дис. ... канд. социол. наук / О. В. Дорохина. – М., 1995. – С. 16.
- ²² См.: Мокеров, И. П. Экономико-демографическое развитие семьи / И. П. Мокеров, А. И. Кузьмин. – М. : Наука, 1990.
- ²³ См.: Мотревич, В. П. Историческая демография России.
- ²⁴ См.: Серебрякова, И. Г. Социальная психология крестьянства...
- ²⁵ См.: Кукса, Л. П. Российская семья...
- ²⁶ Дармодехин, С. В. Государственная семейная политика... – С. 80.
- ²⁷ Кузьмин, А. И. Семья на Урале... – С. 43.
- ²⁸ Там же. – С. 26.
- ²⁹ Там же. – С. 30.
- ³⁰ Основные сдвиги в демографических процессах на Урале (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). – Свердловск : УНЦ АН СССР, 1981. – С. 42.
- ³¹ Население Урала... – С. 42.
- ³² Там же. – С. 19.
- ³³ Там же. – С. 54.
- ³⁴ См.: Кузьмин, А. И. Семья на Урале... – С. 50.
- ³⁵ См.: Личман, Б. В. Урал : Политика и индустрия (социально-демографическая и квалификационная характеристика работников индустрии во второй половине XX века) / Б. В. Личман. – Екатеринбург, 1992.
- ³⁶ См.: Социальная защита населения в регионе : учеб. пособие / под ред. В. Г. Попова. – Екатеринбург, 1999. – С. 34.
- ³⁷ См.: Вертилецкая, Е. В. Репатрианты в Свердловской области в 1944 – начале 50-х годов : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Вертилецкая. – Екатеринбург, 2004.
- ³⁸ См.: Суслов, А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х годов XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. Б. Суслов. – Екатеринбург, 2004.
- ³⁹ Дармодехин, С. В. Государственная семейная политика... – С. 108.

Д. Н. Баринов

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ

В статье рассматриваются региональные особенности социальной тревожности. Сопоставление данных региональных исследований с результатами общероссийских опросов показывает сходство иерархии социальных страхов, а также факторов, способствующих возникновению социальной тревожности. Анализ позволяет говорить о единстве эмоциональной атмосферы отдельного региона и общероссийского социального пространства.

Ключевые слова: социальная тревожность, регионалистика, факторы тревожности, социальное пространство, эмоциональная атмосфера.

Социальная тревожность как совокупность страхов и тревог населения, дифференцированных по своему объекту, интенсивности, групповой принадлежности